

**ЗОЩЕНКО ВЕРА ВЛАДИМИРОВНА
О БОЛЕЗНИ И ЛИТЕРАТУРНОЙ РАБОТЕ <М. М. ЗОЩЕНКО>
ЧАСТЬ 4¹ (1945–1950-е гг.)**

*(Вступительная статья, подготовка текста
и комментарии Т. М. Вахитовой)*

Аннотация: Четвертая часть мемуарных записей жены М. Зощенко – Веры Владимировны – относится к самым сложным годам их послевоенной жизни (1945–1950). Нелепая случайность позволила коммунистически настроенным чиновникам и подчиненным им писателям оболгать, унижить Зощенко, исключить его из СП СССР, лишить материального обеспечения, сделать его повседневную жизнь невыносимой.

Ключевые слова: Советские чиновники, преследование М. Зощенко за «антисоциализм», Сталин И. В., ухудшение здоровья. Обращение писателя к комедиографии и переводам с финского и украинского.

Abstract: The fourth part of memoir notes of M. Zoshchenko's wife – Vera Vladimirovna – belongs to most difficult years of their post-war life (1945–1950). Ridiculous accident allowed communistic adjusted officials and subordinated to them writers to slander, humiliate Zoshchenko, to expel him from USSR Union of Writers, to deprive him of material security, to make his everyday life intolerable.

Keywords: Soviet officials, M. Zoshchenko's prosecution for «anti-socialism», Stalin I. V., deterioration in health. Writer's conversion to komediography and translations from Finnish and Ukrainian.

Продолжая публикацию воспоминаний В. В. Зощенко, вникая в сложные жизненные проблемы этой супружеской пары, замечаешь, как изменяется женский и человеческий облик жены писателя. Для многих друзей М. М. Зощенко, знакомых, соседей в молодости Вера Владимировна представляла капризной, не очень умной и даже странной особой, с которой вместе писатель почти нигде не появлялся. В годы Великой Отечественной войны Зощенко издали окружил ее заботой, вниманием, пытался любым способом добыть денег на выживание в блокадном Ленинграде. И хотя она, то ли от страха, то ли от интуитивной ревности (в Алма-Ате Зощенко встречался с Л. Чаловой,² которая ухаживала за ним, когда он болел, и следила за его питанием и самочувствием), все время звала мужа в Ленинград, откуда каждый разумный человек пытался

¹ Части 1–2–3 публикации см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб., 2014. С. 380–449; Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 год. СПб., 2016. С. 844–912; Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2016 год. СПб., 2017. С. 663–714.

² Чалова Лидия Александровна – одно из увлечений писателя.

уехать, но Зошенко принимал ее приглашения с сочувствием (либо от незнания жизни блокадного Ленинграда, либо от жалости к супруге).

Сильные обстрелы города, отсутствие продовольствия, электричества, воды могли бы сильно подействовать на психическое здоровье Зошенко. Но ей было страшно одной (сын был в армии), и она продолжала в письмах и телеграммах настаивать на приезде Михаила в Ленинград. Эта переписка представляла какое-то постоянное и однообразное кружение, на которое «налипали» старые обиды, чьи-то разговоры, болезни, тоска разлуки. После окончания войны и возвращения писателя в Ленинград на плечи этой дамы свалилась огромная задача – материальное обеспечение семьи, домашние хлопоты, к которым она не привыкла, общение с незнакомыми людьми, торговля вещами и книгами. Это была уже другая женщина – более резкая, более строгая, но такая же, как и в молодости, обидчивая и ревнивая.

Будучи в Алма-Ате, иногда М. Зошенко позволял себе написать жене о своей любимой книге «Перед восходом солнца», которую раскритиковали не только критики и партийные деятели, но даже друзья. Он мог только высказать (очень мягко) горечь обиды и надежду на лучшее, которое уже виднеется впереди. Но писатель еще не мог представить, что его ожидает.

В Новый год (1946), сидя за праздничным столом, Зошенко вдруг заявил, что скоро будет «миллионером». Михаилу Зошенко, несмотря на талант, плохо удавались драматургические вещи. Они были несколько затянуты, юмористические фразы отличались от прозы странной театральностью и не вызывали у публики соответствующей реакции. Но уже в это самое время писатель почувствовал, что удача начала сопровождать его театральные замыслы. Его пьесы шли с большим успехом в театре «Пассаж» в Ленинграде и в Новгородском театре («Парусиновый портфель» и «Очень приятно»).

Образ сатирического писателя мифологизировался и предстал в новом проявлении – удачного драматурга, ошибки которого уже были забыты и не требовали никаких исправлений. Хандра, апатия, безразличие ушли из его жизни. Он более или менее спокойно относился к супруге, очень часто навещал Л. Чалову. Он задумал написать новую пьесу – «Пусть неудачник плачет». Был полон энергии и инициативы. Но, к сожалению, это состояние продолжалось совсем недолго.

Как известно, в конце июля 1946 г. В. Саянов без согласия М. Зошенко опубликовал во «взрослом» журн. «Звезда» из детского журн. «Мурзилка» рассказ «Приключения обезьянки», немного изменив название³ – «Приключения обезьяны».⁴ Пожалуй, ни одно из произведений Михаила Зошенко не вызывало таких страшных последствий в жизни писателя. Вторая редакция, помещенная в «Звезде», имела некоторые отличия от детского варианта⁵ и обладала признаками «двойного чтения». Суть сводилась к простому выводу о том, что в нашей замечательной стране обезьянам жить было лучше, чем

³ Зошенко М. М. Приключения обезьяны // Звезда. 1946. № 5–6. С. 144–152.

⁴ Приключения обезьяны. Черновая машинопись с авторской правкой / публ. Н. А. Грозновой // Михаил Зошенко. Материалы к творческой биографии. СПб., 2001. Кн. 2. С. 88–90.

⁵ См. публикацию Н. А. Грозновой.

простому человеку. Как заметила Н. А. Грознова, была и третья редакция этого рассказа, написанная уже позже, в которой Зощенко стремился убрать «заострения, излишние нервные реакции (обезьяны и людей), тем самым писатель как бы вставал на путь возвращения к первой редакции текста».⁶ Как странно, что маленькая пушистая обезьянка, придуманная самим писателем, оказалась жестоким и страшным «врагом», который принес в дом Зощенко много страданий и горечи и, можно сказать с определенной долей гипотетичности, «лишил его таланта», собственной художественной индивидуальности, превратив его лишь в переводчика.

После истории с «обезьянкой» и началась последняя трагедия в жизни Михаила Зощенко. 21 авг. 1946 г. появился в печати всем известный документ: «О журналах “Звезда” и “Ленинград”. Из постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г.». Разразился не только литературный, но и политический скандал. Зощенко припомнили и все другие его «ошибки», в частности, и любимый роман: «Предоставление страниц “Звезды” таким пошлякам и подонкам литературы, как Зощенко, тем более недопустимо, что редакции “Звезды” хорошо известна физиономия Зощенко и его недостойное поведение во время войны, когда Зощенко, ничем не помогая советскому народу в его борьбе против немецких захватчиков, написал такую омерзительную вещь, как “Перед восходом солнца”, оценка которой, как и оценка всего литературного “творчества” Зощенко, была дана на страницах журнала “Большевик”».⁷

По совету супруги 26 авг. Михаил Зощенко пишет большое письмо Сталину, как бы повторяя историю с последним романом. Описывая факты своей биографии и заверяя руководителя партии в преданности народу, Зощенко сообщал и о медленном отходе от сатирических жанров: «После резкой критики в “Большевике”, – писал Зощенко, – я решил писать для детей и для театров, к чему у меня была склонность» (С. 142). Объясняя случай с «Приключением обезьяны», он пытался доказать, что «в этом моем рассказе никакого подтекста нет. И нет никакого эзоповского языка. Это потешная картинка для ребят без малейшего моего злого умысла. И я даю в этом честное слово. <...> Прошу мне поверить – я ничего не ищу и не прошу никаких улучшений в моей судьбе. А если и пишу Вам, то с единственной целью несколько облегчить свою боль. Я никогда не был литературным пройдохой или низким человеком, или человеком, который отдавал свой труд на благо помещиков и банкиров. Это ошибка. Уверяю Вас. 26 августа 1946 года. Мих. Зощенко» (С. 143).

Ответа, разумеется, не последовало, и Зощенко начал, по словам жены, «впадать в хандру и депрессию». Он сильно волновался, был раздражен, и яркие отблески этого настроения окружали и его семью. Все знакомые отвернулись от него, в газетах любого содержания раздавалась брань, и Зощенко объявлялся «врагом народа». Только два писателя приходили к Зощенко – Олесов и Герман Матвеев. Вследствие этого у писателя рождались какие-то фантастические планы. Например, он «подумывал о поездке в Арктику

⁶ Приключения обезьяны. 2001. С. 93.

⁷ Публикация постановления осуществлена в газ. «Правда» (20 авг.) и «Культура и жизнь» (21 авг.).

с экспедицией Визе». Он даже встречался с руководителем экспедиции, но оказалось, что осуществить этот замысел невозможно. (Когда происходила трагическая история с романом «Перед восходом солнца», Зошенко подумывал о переезде на Украину.) По-видимому, Зошенко мечтал в суровые и горькие времена исчезнуть, скрыться от лжи литературного и политического общества и собственной беспомощности, начать какую-то новую жизнь.

Но Вера Владимировна, пережив одну трагедию, представляла себе, что и эта может закончиться более или менее благополучно. Но это было не так. Зошенко исключили из всех Союзов писателей (Московского и Ленинградского), лишили всех продуктовых карточек, издательства расторгли договоры и требовали возвращения авансов. Наступала полная нищета. И Вере Владимировне пришлось искать какую-то работу. Она обращалась к знакомым писателям, чтобы перепечатывать их работы, но В. Саянов, В. Кетлинская и О. Форш отказались от ее услуг в качестве машинистки. Она пробовала найти учеников, чтобы оказать помощь в изучении русского языка, но слышала только отказы. Она даже приходила в Эрмитаж, согласная на должность экскурсовода. Но даже интеллигентные и знакомые люди просили ее «изменить фамилию».

Зошенко пишет письмо А. Жданову, рассказывая ему, как его хвалил М. Горький, как его любят читатели и сколько у него благодарных читателей писем, говорит о своей награде, об очереди сатирических журналов за его фельетонами, которые они печатали с радостью, и заканчивает свое безнадёжное послание следующим образом: «Прошу Вас дать мне возможность работать для советского народа» (10 окт. 1946 г.). По-видимому, это письмо с согласия руководства партии сыграло особую роль – пришло указание не травить Зошенко. Но повседневная жизнь не изменилась. Уникальная судьба писателя складывалась из обыденных состояний. Но творческие процессы все-таки существовали в ней. Зимой 1946 г. Зошенко начинает писать цикл «партизанских рассказов».

Супруга писателя наконец поняла, что именно ей выпала доля обеспечивать дом и кормить мужа. Домработница уволилась, убирать квартиру и проявлять кулинарные способности приходилось ей. Но кулинарные способности были у нее совсем невелики, а Зошенко относился к пище особенно, с каким-то странным пристрастием, и отказывался от приготовленных Верой Владимировной блюд. Это вызывало у супруги Зошенко обиду, она просто «выдыхалась». Жизнь теряла для нее смысл. Сходив к врачу, она получила справку: «Зошенко В. В. страдает реактивно-депрессивным состоянием в резко выраженной форме. Кисилева. 6 февр. 1947 г.».

Мечтая о поддержке мужа, она показала эту справку Михаилу. Разразился грандиозный скандал. Два несчастных человека, погруженных в сложные материальные и общественные ситуации, пытались выяснить, кто в этом виноват. Если раньше их ссоры имели какой-то интеллигентный оттенок, многие вещи оставались в подтексте, то теперь они высказывались откровенно, искренне, резко. Зошенко упрекал жену в том, что у нее к нему имеются только одни требования, а нет любви и поддержки. Свои ответы Вера Владимировна

не публикует. Но сообщает, что она продала часть дачи (солнечную сторону) и свою любимую «белую спальню», которую друзья Зоценко называли мешчанской. А деньги отдала мужу.

Материальные, творческие и политические сложности, как это ни парадоксально, всегда существовали у Зоценко рядом с «дамским контингентом». И в эти трудные годы он не только ходил обедать к Л. Чаловой, но неожиданно завел «роман» с соседкой Марией Мухранской,⁸ которая жила с сыном этажом выше квартиры Зоценко. Он был знаком с Мухранской, они познакомились еще до войны, а потом встречались изредка в Алма-Ате. И эта дама ласковым обхождением и великолепными обедами привлекла к себе замученного и усталого писателя. Все возражения жены он просто не слушал и даже показывал ей ключ от квартиры «новой приятельницы». «Все это было так мучительно, – пишет Вера Владимировна, – что я искренне стала мечтать о смерти» (С. 158).

Но Марина Мухранская объясняет ситуацию по-своему: «Он приходил к нам не за сочувствием, не с жалобами на свою судьбу. Он приходил отдыхать от ее ударов. И, видимо, поэтому не “втягивал” нас в свои переживания. Устав от сложных взаимоотношений, возникших у него с внешним миром, он искал в нашем доме простых и житейских радостей. И, как я смею предполагать, нашел их. Он оставлял за дверью все свои боли и неудачи и становился не писателем Зоценко, со всей известностью своего гордого и печального имени, а обыкновенным домашним человеком – исключительно добрым и заботливым...»⁹

Несмотря на семейные недоразумения, Зоценко опубликовал партизанские рассказы (десять из тридцати двух) в журн. «Новый мир» (1947. № 9) и начинает работу над переводом романа финского писателя М. Лассила «За спичками». В 1948 г. он занимается другим финским писателем и переводит его повесть (А. Тимонен «От Карелии до Карпат»).

Но домашняя обстановка оставалась сложной и разобраться с ней трудно. Вера Владимировна, отмечая улучшение психологического состояния мужа, все-таки замечает: «Мне он часто казался больным и старым. Опять скандалы из-за денег... Какое у него страшное лицо делается в минуты раздражения» (С. 162).

В ответ Зоценко говорил: «Очевидно, ты всегда требовала от меня чего-то, что я не мог выполнить, и от этого я “уходил в болезнь”, притворялся. Но это было несознательно» (С. 167). Таким образом и протекала их совместная жизнь.

Летом, когда они жили в Сестрорецке на даче, в доме царили спокойствие и дружелюбные отношения, а осенью и зимой продолжались скандалы и возникали даже «бури». Вера Владимировна считала, что в этом виновата «Мариша Мухранская». Она пришла к горькому выводу: «К сожалению,

⁸ В. В. Зоценко ошиблась, ее муж познакомился с М. Мухранской еще до войны в гостях у В. Стенича. А во время войны они были в Алма-Ате в эвакуации и нечасто, но и там также встречались.

⁹ *Мухранская М.* Без литературы // Воспоминания о Михаиле Зоценко. СПб., 1995. С. 557.

на самостоятельную литературную дорогу он вряд ли сможет выбраться... Что-то он навсегда потерял...» (С. 175).

Эта часть статьи Веры Владимировны публикуется с некоторыми небольшими сокращениями, касающимися отношений Зошенко с Мариной Мухранской (в основном – это повторы). Орфография и пунктуация приведены к современным нормам.

1945–1946 год

В мои именины, когда у меня были даже немногочисленные гости и Михаил присутствовал за чайным столом, он неожиданно сказал, что к будущему году надеется стать «миллионером»... Сказано это было, конечно, в шутку, но надежды эти он строил на своем решении всерьез заняться работой для театра, кот<орая> давно интересовала его, теперь же он поставил своей целью – «овладеть» искусством драматургии.

И зимой он пишет почти подряд 2 пьесы – «Парусиновый портфель» (С. 139), который в <19>45 г. был поставлен в «Блокадном театре» в «Пассаже» и с блеском выдержал более 100 представлений, и «Очень приятно» – в том же театре весной <19>46 г. ...

Зимой <19>46 года вышли два его однотомника и книжечка в издательстве «Огонек». (И во всех этих книжках, под рубрикой «Рассказы для детей», был напечатан веселый, забавный, очень удачный рассказик для малышек – «Приключения обезьянки», еще осенью <19>45 г. написанный им для «Мурзилки».)

Написал он ряд новых рассказов и фельетонов.

Пьеса «Очень приятно» была принята к постановке и Новгородским театром, в кот<ором> в то время работал Валя. Несколько раз собиралась у нас вся труппа театра, и Михаил читал им эту пьесу. «Хандра» его на какое-то время исчезла, он был бодр, окрылен успехом своих пьес, полон радужных надежд и планов. Все было хорошо. И я снова «исполняла свою старую роль – секретаря-машинистки». «Близкие» наши отношения возобновились, все было нормально, но по-прежнему недоставало мне «душевной близости».

В прошлую зиму вернулась из эвакуации Чалова, и Михаил часто бывал у нее и ее родных, вместе с которыми она тогда жила, стал частенько обедать у нее по воскресеньям. Конечно, об их отношениях пошли сплетни по городу, это было мне очень неприятно, и я даже сказала Михаилу, что мне не нужна жизнь с ним из жалости, что если у него нет чувства ко мне, я готова уйти от него, я сама готова бросить его, его имя, деньги – он же уверял меня, что, наоборот, все у нас хорошо, что никакого развода ему не нужно, что та женщина не играет в его жизни никакой роли, а что за ее слова он не отвечает, что я могу, если хочу, сама поговорить с ней, и что он хочет лишь покоя и тихой жизни.

Подошло лето 1946 г. ... Как-то Михаил приехал в Сестрорецк и в хорошем настроении, и я писала 25/6–46: «Михаил прожил два дня. Все ему как будто нравилось, всем был доволен, и вообще был мил, прост и даже внимателен.

Много и с увлечением рассказывал о своей новой пьесе – “Пусть неудачник плачет”, кот<орую> задумал написать для Акимова,¹ дал прочесть половину первого акта. Написано действительно очень хорошо, с полным блеском,

чувствуется, что вещь сможет быть поставлена в разряд его лучших произведений. И сам он ею очень доволен и удовлетворен тем, что его творческая сила не иссякла, что он, вопреки предсказаниям некоторых людей, вовсе не “исписался”, не сошел на нет, а, напротив, как бы вновь входит в силу, вновь создает новый оригинальный род искусства (С. 140).

Я была очень рада за него, и эти два дня прошли хорошо и спокойно, так, как должно быть в настоящей, нормальной, здоровой жизни...».

Пьеса Акимова очень заинтересовала, о чем и писал Михаилу в письме от 25 июля <19>46 г.: «Пьесу Вашу я прочел, конечно, еще в поезде. Она мне очень нравится и жаль, что не смог дочитать до конца за неимением такового...». Но пьесу Михаила поставить ему не пришлось.

В конце июля Михаил говорил мне о том, как он недоволен и возмущен тем, что Саянов² без его согласия напечатал «Обезьянку» в «Звезде»: «Я никогда не дал бы такой пустяковый, шуточный детский рассказ в серьезный публицистический журнал», – сказал Михаил.

И вот – 21 августа 1946 г. – «Постановление ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград»...

По моему совету Михаил пишет письмо Сталину, вот оно:

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Я никогда не был антисоветским человеком. В 1918 году я добровольцем пошел в Красную Армию и полгода пробыл на фронте, сражаясь против белогвардейских войск.

Я происходил из дворянской семьи, но никогда у меня не было двух мнений – с кем мне идти – с народом или помещиками. Я всегда шел с народом. И этого от меня никто не отнимет.

Мою литературную работу я начал в 1921 году. И стал писать с искренним желанием принести пользу народу, осмеивая все то, что подлежало осмеянию в человеческом характере, сформированном прошлой жизнью.

Нет сомнения, я делал иной раз ошибки, впадая подчас в карикатуру, каковая в 20-х годах требовалась для сатирических листков. И если речь идет о моих молодых рассказах, то следует сделать поправку на время. За 20 лет изменилось даже отношение к слову. Достаточно сказать, что я работал в советском журнале “Бузотер”, каковое название в то время не казалось ни пошлым, ни вульгарным.

Однако меня самого никогда не удовлетворяла моя сатирическая позиция в литературе. И я всегда стремился к изображению положительных сторон жизни. Но это было нелегко сделать – так же трудно, как комическому актеру играть героические образы. Можно вспомнить Гоголя, который не смог перейти на положительные образы.

Шаг за шагом я стал избегать сатиры и, начиная с 30-го года, у меня было все меньше и меньше сатирических рассказов.

Я это сделал еще и потому, что увидел, насколько сатира опасное оружие. Белогвардейские издания нередко печатали мои рассказы, иной (С. 141) раз искажая их, а подчас приписывая мне то, что я не писал. И, уж во всяком

случае, не датировали мои рассказы, тогда как наш быт необыкновенно изменился за 25 лет.

Все это заставило меня быть осмотрительней и, начиная с 1935 года, я сатирических рассказов не писал, за исключением газетных фельетонов, сделанных на конкретном материале.

В годы Отечественной войны с первых дней я активно работал в журналах и газетах. И мое сатирическое антифашистское обозрение “Под липами Берлина” играли на сцене Ленинградского театра “Комедия” в сентябре 1941 г.

В дальнейшем же я был эвакуирован в Среднюю Азию, где не было журналов и издательств, и я поневоле стал там писать киносценарии.

В начале <1943> года я был вызван в Москву и там работал в журналах и газетах, напечатав за полгода не менее 15 фельетонов.

Что касается моей книги “Перед восходом солнца” (начатой в эвакуации), то мне казалось, что книга эта нужна и полезна в дни войны, ибо она вскрывает истоки фашистской “философии” и обнаруживает одно из слагаемых в той сложной сумме, которая иной раз толкала людей к отказу от цивилизации и к отказу от высокого сознания и разума.

Я вовсе не один так думал. Десятки людей обсуждали начатую мной книгу. В июне <19>43 года я был вызван в ЦК, и мне было указано продолжать эту мою работу, получившую столь высокие отзывы ученых и авторитетных людей. И если эти люди в дальнейшем отказались от своего мнения, то я не считал возможным усиливать их трусость своими жалобами. А если я сейчас сообщаю об этом, то отнюдь не в плане жалобы, а с единственным желанием показать, какова была обстановка, приведшая меня к тем шагам, за которые несу ответственность только лишь я сам, ибо я – литератор и, стало быть, сам должен все учесть.

После резкой критики в “Большевике” я решил писать для детей и для театров, к чему у меня была склонность.

Этот маленький шуточный рассказ “Приключения обезьяны” был написан в начале <19>45 года для журнала “Мурзилка”. И там же он был и напечатан.

Конечно, в “толстом” журнале я бы никогда не поместил этот рассказ. Оторванный от детских или юмористических рассказов, этот рассказ в толстом журнале несомненно вызывает нелепое впечатление, как и любая шутка или карикатура для ребят, помещенная среди серьезного текста.

В журнал “Звезда” я этого рассказа не давал. И в журнале он был напечатан <без> моего ведома. Несомненно, по некоторой неопытности (С. 142) редакции.

Однако в этом моем рассказе никакого подтекста нет. И нет никакого эзоповского языка. Это потешная картинка для ребят без малейшего моего злого умысла. И я даю в этом честное слово.

А если бы я хотел сатирически изобразить какую-либо сцену нашего быта, то я мог бы это сделать более тонко и остроумно. И уж во всяком случае не воспользовался бы таким устаревшим методом завалированной сатиры, методом, который вполне был опорочен еще в 19 столетии.

В одинаковой мере и в других моих рассказах, в коих усматривается этот же метод, я не применял сатирической направленности. А если иной раз люди стремились увидеть в моем тексте какие-либо якобы затушеванные зарисовки, то это могло быть только лишь случайным совпадением, в котором никакого моего злого намерения не было.

Прошу мне поверить – я ничего не ищу и не прошу никаких улучшений в моей судьбе. А если и пишу Вам, то с единственной целью несколько облегчить свою боль. Я никогда не был литературным пройдохой или низким человеком, или человеком, который отдавал свой труд на благо помещиков и банкиров.

Это ошибка. Уверяю Вас.

26 августа 1946 года.

Мих. Зощенко»

Конечно, за эти дни Михаил сильно сдал, начал впадать в хандру, в депрессию, и я очень беспокоилась за него, тем более, что все лето он жаловался на простуду – кашель, насморк, последнее время говорил, что беспокоит сердце, собирался осенью поехать в Кисловодск, принимать нарзанные ванны...

И я решила пойти к Останкову,³ психиатру, кот<орый> когда-то выступал на обсуждении книги Михаила «Возвращенная молодость». Мне хотелось, чтобы в случае дальнейших неприятностей и осложнений Останков мог подтвердить неблагополучие нервного здоровья Михаила. И Останков действительно признал состояние Михаила не вполне нормальным в нервном отношении.

В это время я узнала от И. Ф. Кратга,⁴ что Сталин на совещании с писателями якобы отзывался о Михаиле довольно мягко, что подтвердила и Муза Павлова.⁵

Вскоре мне пришлось идти в МГБ по их вызову... Объяснила им все, как будто поняли, отнеслись благожелательно, успокоили, сказали, что Михаилу ничего не грозит.

К сожалению, я не могла передать Михаилу этого разговора полностью, так как не имела права говорить о «Вызове». Сказала только, будто у своей приятельницы встретила человека из МГБ и он мне сказал (С. 143), чтобы я передала Михаилу, что ему не грозит ничего страшного, что он может спокойно работать. И вот этого моего «Умолчания» не мог мне в дальнейшем, когда, чтобы его совершенно успокоить, сказала правду, простить Михаил – оказалось, он был очень напуган и все время ожидал для себя дальнейших неприятностей, я же не подозревала, что этот вопрос так волнует его, сама я была совершенно спокойна на этот счет и мне казалось, что сказанного мною вполне достаточно для того, чтобы успокоить и его.

Михаил же в это время подумывал даже о поездке в Арктику с экспедицией Визе,⁶ даже встречался с ним у своего друга, д-ра Максимова,⁷ но оказалось, что осуществить этот замысел затруднительно.

Я вначале понадеялась было на свои силы, рассчитывала, что сама сумею выйти из беды, сама смогу помочь Михаилу – рассчитывала найти частные

уроки – как когда-то в начале 20-х годов, когда я зарабатывала в 10 раз больше Михаила, думала получить переписку на машинке, организовать детский кружок, я даже вывесила объявления по этому поводу – как когда-то в революционные годы, я была уверена в успехе.

Шли дни, в газетах, по радио – «отклики» на Постановление – грубая, резкая брань, жестокие, несправедливые слова... Писатели, которые «прославили» его до Постановления, все почти, как один, отвернулись от Михаила.

Только милый, трогательный Олесов⁸ пришел «поклониться до земли», как он выразился, – несправедливо обиженному, честному писателю. Несколько раз приходил Герман Матвеев,⁹ кот<орый> даже уговаривал Михаила переехать к нему на дачу, отдохнуть там, переждать это трудное время. В разговоре с Олесовым Михаил говорил, что в данный исторический момент сатира вредна для государства.

9 сентября Михаил принес газеты с постановлением об исключении его из Союза писателей – и Московским, и Ленинградским Союзом.

На другой день явилась сестра Михаила Вера,¹⁰ отняла массу времени и нервов бесплодным и обидным для меня разговором – упрекала меня в бездействии, требовала, чтобы я срочно продавала вещи, и только больше расстроила Михаила, кот<орый> даже стал «психовать», требовал того же.

Конечно, теперь, когда все выяснилось и принято такой трагический оборот, я сама прекрасно знала, как я должна поступить, и только считала, что продавать вещи надо не сразу все – как требовал Михаил («Продавай, все продавай»), а постепенно и с умом (С. 144). Впрочем, вечером Михаил успокоился и даже объявил о своем решении написать новую пьесу.

Вечером Михаил пошел к Максимовичу и вернулся несколько встревоженный – тот передал свой разговор с пациентом из МГБ, кот<орый> чем-то пугал его. Михаил долго обсуждал со мной всю ситуацию, и я старалась, как могла, успокаивать его.

И вот бороться за жизнь мне пришлось одной, своими силами и без всякой нравственной поддержки ни от Михаила, ни от Валерия.

Конечно, я сразу же принялась за продажу вещей, кот<орые> я так берегла в блокаду: считала, что они смогут пригодиться на «черный день» – я слишком хорошо знала превратности жизни.

Но даже продавать вещи оказалось не так-то легко и просто: надо было находить покупателей, принимать их. На все было нужно время и нервы. А вырученные деньги проживались молниеносно – ведь после исключения из Союза Михаил лишился всех продовольственных карточек, лишилась и я своей «рабочей карточки», кот<орую> получала как секретарь-машинистка... Таким образом мы с Михаилом остались буквально «без хлеба» – хлебные карточки мне приходилось время от времени покупать при помощи милой Лариссы Николаевны Робинсон,¹¹ кот<орая> помогала мне в моих коммерческих делах – прислала мне работников комиссионного магазина, иногда находила «покупателей».

Я все еще надеялась, что вскоре получу хороший заработок, и потому не решалась отпустить домработницу Раису Хапову,¹² кот<орая> была

как-то привязана к нам и даже «сбросила» 100 рублей со своей зарплаты в 400 рублей, и я была уверена, что эту сумму – 300 рублей всегда смогу заработать уроками или перепиской на машинке.

К тому же я никак не надеялась на свои «кулинарные способности», а у Михаила между тем я стала замечать какой-то повышенный интерес к еде, и я просто боялась, что не смогу ему угодить и он будет голодать, тем более, что пока мы не имели возможности держать домработницу – сразу после неприятностей 43 года Михаил жаловался, что я готовлю ему «невкусно».

Увы! Мои надежды на заработок скоро рухнули – уроков мне никто не предложил, а когда я обратилась к В. Саянову, В. Кетлинской, О. Форш с просьбой предоставить мне работу по перепечатке их рукописей на машинке, я от всех получила «сухой отказ» под предлогом, что у них уже есть свои машинистки (С. 145).

Лишь года через 2 та же Ларисса Николаевна предложила мне перепечатать рассказы и стихи ее друга актера и режиссера Смолича¹³ – это были «дилетантские», но очень неплохие вещи, кот<орые> он «для домашнего употребления» хотел переплести в книжку. Я долго возилась с этой довольно сложной работой.

Одно время я думала даже заняться «Максовым ремеслом» – сын Лариссы, довольно талантливый поэт и предприимчивый молодой человек, занялся в это время изготовлением «босоножек» и одно время, так как в магазинах никакой обуви тогда не продавалось, довольно прилично зарабатывал на этом. И я, вспомнив о том, что Михаил в 20-е годы работал у сапожника Воскресенского и даже любил это «спокойное ремесло», предложила было нам всем троим – ему, мне и Вале под руководством Макса¹⁴ заняться этим делом. Конечно, считала я это занятие лишь «временной мерой», хотя и полезной для Михаила как отдых от «профессии, равной по вредности лишь изготовлению свинцовых белил», как когда-то он говорил.

Но ни Михаил, ни тем более Валерий не захотели быть мне помощниками в этом деле, да и само «Максово ремесло» вскоре потерпело крушение: лето ведь кончилось, и с ним кончился «сезон босоножек» – ведь мы жили не в Африке – как шутил милый Макс:

«В Африке жить сплошной резон –
Там босоножкам всегда сезон...».

Макс сам перешел на «производство стелек», правда, привлек было и нас к участию в этом деле, но это дало слишком незначительный заработок, да к тому же затем и вовсе прекратилось.

Поступить на работу по своей специальности в школу нечего было думать – меня туда сейчас никто не взял бы, к тому же и вакансий там не было, попытки найти частные уроки, а также расчеты на артель и «надомную работу» тоже не оправдались.

Правда, Вера, сестра Михаила, серьезно говорила мне: «Иди снег сгребать или иди в натурщицы – у тебя такая хорошая фигура».

Увы! «Сгрести снег» мне было уже не под силу, в свою же «прекрасную фигуру» я просто не верила, а потому и не решилась предложить Академии художеств свои услуги. Положение становилось критическим – ведь деньги мои кончались самое большее через два месяца.

Но тут вдруг неожиданно произошел «перелом». Ровно через месяц после того, как я отправила письмо Михаила Сталину, – 27 сентября в газете «Советское искусство» была напечатана уже вполне корректная, тактичная передовая статья – даже без упоминания «Зощенко и Ахматовой»,¹⁵ обращающая внимание лишь на «идеологическую» (С. 146) сторону постановления ЦК и доклада Жданова¹⁶ и призывающая соответствующие партийные организации «заботливо и настоятельно заниматься марксистско-ленинским воспитанием работников искусств».

Что касается «разгромного доклада», кот<орый> уже готовил Прокофьев, секретарь Ленинградского отделения Союза писателей, то неожиданно ему было дано указание – не выступать с таким докладом и как бы «предать забвению» историю с Зощенко и Ахматовой, после чего появился «корректный» тон последних статей.

Возможно, произошло вот что: когда письмо Михаила дошло до Сталина, весьма вероятно, что он поверил в искренность и честность Зощенко и понял, какую ошибку и какую несправедливость совершил ЦК, издав свое «Постановление» и так ошельмовав и опорочив честного писателя.

Но отменить «Постановление» Сталин, конечно, не мог, возможно было только дать указание – прекратить «травлю» Зощенко, прекратить безобразную «ругань» в его адрес, что очевидно и было сделано.

И когда я обратилась к приехавшему в Ленинград новому главному редактору «Звезды» Еголину¹⁷ с просьбой – разъяснить, что же должен сейчас, после исключения из Союза писателей, делать Зощенко, мне было отвечено: «Пусть он спокойно работает. Пусть пишет».

Такова, очевидно, была и воля Сталина. (С. 146)

Но приняться за работу по состоянию своего здоровья Михаил не смог, только после Нового года, так что материальное положение наше еще очень долгое время оставалось критическим. К тому же все издательства немедленно порвали все договоры с Михаилом, а некоторые даже и потребовали вернуть выданные ему авансы, что пришлось и сделать. Мои последующие попытки поступить на работу, после того как я убедилась в невозможности ни найти частные уроки, ни получить переписку на машинке, тоже потерпели неудачу – Р. М. Беккер,¹⁸ которая пыталась мне найти работу, на ее просьбы ответили – «пусть она переменит фамилию», а Володя Якубенко,¹⁹ кот<орый> работал в политчасти Эрмитажа, на мой запрос – не смогла ли бы я получить работу экскурсоводом, ответил – «Орбели²⁰ (директор Эрмитажа) перестраховщик, и просить его бесполезно».

Так что я, при всем моем горячем желании, ничем не могла помочь Михаилу в эти трудные годы, мне оставалось одно – продолжать продавать свои вещи, что я и делала.

Ни материальной, ни моральной поддержки от своих друзей Михаил (С. 147) в это время не получал ни от кого.

Я же встречала полную моральную поддержку от всех своих друзей (материально, конечно, никто из них помочь мне был не в состоянии).

А Ларисса Николаевна Робинсон очень поддержала своим отношением и самого Михаила – она часто приглашала нас к себе – даже на «званные вечера» – и в <19>46 г. мы с ним были у нее и в день рождения ее сына Максика, и 25 декабря – в день ее рождения. И в этот день все ее гости с большим уважением и вниманием отнеслись к Михаилу и, по предложению актера Полицеймако,²¹ даже пили за ужином за его здоровье.

Но здоровье Михаила за эти месяцы сдавало все больше и больше. Чувствовалось – он живет с огромным трудом, едва справляется со своим состоянием, со своими нервами... Он чувствует себя совсем больным, морально опустошенным, физическое здоровье никуда не годится... Он был совсем слабый и бессильный...

В это время он пишет свое письмо Жданову:

«Более 25 лет я писал юмористические рассказы, считая, что этим я приношу пользу и радость советскому читателю.

У нас не было критики, которая бы правильно ориентировала писателя, и поэтому мое мнение о пользе моей работы я подтверждал следующими доказательствами:

1) А. М. Горький писал мне (13 окт. 30 г.): «Юмор Ваш я ценю высоко, своеобразие его для меня, да и для множества грамотных людей, бесспорно, так же как и бесспорна и его социальная педагогика».

2) У меня сохранилось несколько тысяч читательских писем. Слова благодарности почти в каждом письме утверждали мое представление, что работа моя не только социально полезна, но и приносит радость.

3) В 1939 году за литературные заслуги я был награжден орденом Трудового Красного знамени. Союз писателей, представляя меня к награде, разделял, стало быть, мнение Горького и читателей.

4) Множество сатирических журналов (до 12, в которых я работал) и массовые тиражи моих книг говорили мне о том, что сатирический жанр нужен и поощряется.

Все это утверждало мое представление о полезности моей работы. Да и я сам полагал, что, работая в своем жанре, я помогаю вскрывать недостатки, помогаю бороться с пережитками прошлого.

Мне очень трудно сейчас определить, в чем же заключаются мои ошибки. Но я допускаю, что сатирический жанр уводил меня иной раз к шаржу. Хотя мне всегда казалось, что такой жанр законен и (С. 148) он в традициях литературы (Щедрин, Гоголь, Свифт). Тем более, что я писал об отрицательных явлениях. И некоторый шарж был необходим для того, чтобы вызвать у читателя смех, улыбку, для того, чтобы ярче подчеркнуть написанное. И пользуясь таким приемом, я никаких злых намерений не имел. Да и злоба никогда не питала мою литературу. Напротив, мне всегда казалось, что полезней и радостней изображать положительные стороны жизни и светлые

черты характера. И к такой положительной теме я постоянно стремился. Хотя осуществить такой переход было крайне нелегко, так же нелегко, как комическому актеру перейти на героические роли. Тем не менее с 30-х годов я стал пробовать свои силы в иных жанрах. И мне удалось написать ряд повестей и рассказов на положительную тему.

Я очень подавлен тем, что случилось со мной. Я с трудом возвращаюсь к жизни. Но у меня есть некоторые силы, чтобы работать.

Я прошу Вас и Центральный комитет позволить мне представить на рассмотрение новые работы, начатые недавно. В течение года я бы мог закончить две большие работы.

При этом я, конечно, не прошу каких-либо льгот или снисхождений в моем трудном и сложном положении.

Я понимаю всю силу катастрофы. И не представляю себе возможности реабилитировать свое имя. И не для этого я буду работать. Я не могу и не хочу быть в лагере реакции. Прошу Вас дать мне возможность работать для советского народа. Я считаю себя советским писателем, как бы меня ни бранили.

Мих. Зощенко».

Подшел новый – 1947 год

Жизнь по-прежнему была трудной и безрадостной. Никакой работы я так и не смогла найти. По-прежнему продавала вещи... Продавать не так легко – не так просто найти покупателей. И на все это нужно было время, силы, энергию.

Пришлось снова помогать Вале – он был на третьем курсе института.

Михаил после Нового года принялся за работу: еще в <19>44 г. он собрал богатый материал для книги о партизанах, их борьбе, их славных делах.

Конечно, ему нужно было бы тогда же написать эту книгу – это было бы достойным ответом на критику по поводу «Перед восходом солнца». Возможно, тогда и не было бы у ЦК поводов для «Постановления».

Но в то же время Михаил увлекся работой для театра – в <1945–46> годах подряд написал две пьесы. В это время, первый раз в жизни, его стала (С. 149) интересовать материальная сторона дела – пьесы могли дать ему возможность «жить на ренту», как он говорил. Получая от театров в течение некоторых лет «авторский гонорар», он имел бы возможность не так усиленно работать, как он работал всю жизнь, – он чувствовал и понимал, как нуждается в отдыхе и покое после всех пережитых волнений и неприятностей, связанных с его «главной книгой».

И вот только теперь он решил приняться за работу, материал для которой почти три года лежал в его письменном столе. Он решил во что бы то ни стало вернуться в литературу, жить без которой он не мог.

Но тут, к несчастью, мои силы начали сдавать в этой непосильной борьбе за существование, и я совершила одну огромную ошибку, которую не могу простить себе до сих пор. Единственное мое оправдание в том, что к этому времени и мое нервное состояние дошло до предела – и я должна была обратиться за помощью к врачу невропатологу, от кот<орой> получила такую

справку: «Зощенко В. В. страдает реактивно-депрессивным состоянием в резко выраженной форме.

Кисилева.²² 6 февр.-47 г.».

Как раз в это время, когда я была у Лариссы, ее знакомая, работавшая в библиотеке, говорила о том, что книги Михаила из библиотек изымаются, что никаких надежд на «перемену курса» в отношении Зощенко нет и не предвидится... Я пришла в совершенное отчаяние.

Мне казалось, что я не смогу больше жить и бороться совсем одна, что мне нужна «моральная поддержка», доброе, ласковое слово, крошечное внимание со стороны Михаила.

И вот на другой день я «толкнулась» за этим к Михаилу. Я не поняла, что он сам нуждался в поддержке и помощи. ...Да он и раньше никогда бы не смог оказать ее мне...

И что же я получила вместо «ласкового слова»?

Михаил стал говорить, что у него нет любви, что я всю жизнь мучила его своими «непомерными» требованиями (а я всегда хотела только естественного, человеческого отношения), что он «боится» меня, что когда я вхожу в его комнату, у него делаются нервные спазмы и припадки – и действительно он дошел почти до истерики, что он готов жить под забором, голодать, только бы не зависеть от меня, только бы избавиться от моих требований!

Он говорил, что если я не оставлю его в покое со своими требованиями, он возненавидит меня, что я пользуюсь его бессилием, слабостью (С. 150), невозможностью уехать – и ставлю ему «ультиматум», предъявляю свои «требования» теперь, когда «материальные средства» в моих руках, когда я якобы «хозяйка положения»!

Конечно, подобных мыслей никогда не было у меня! Его доброе, ласковое слово, его любовь были нужны мне для того, чтобы найти силы и бороться... А в данный момент – надо было собраться с силами, надо было достать денег хоть на пять дней, а сил не было...

И все-таки – мне не надо было обращаться к нему за поддержкой!

А этот его «страх меня»? М<ожет> б<ыть> – это был «психоневротический страх»? Чего прежде, по отношению ко мне, у него никогда не было. А м<ожет> б<ыть>, все было гораздо проще, м<ожет> б<ыть>, в это время в жизнь его уже вошла «новая женщина»?

После войны крошечная квартирка в 5-м этаже, кот<орая> когда-то предназначалась для коменданта нашей «писательской настройки», была передана сценаристу и театральному критику Блейману,²³ который вскоре переехал в Москву, а эту квартирку передал близкой ему когда-то женщине, матери его маленького сына, Марине Мухранской (княжне Багратион-Мухранской, как она себя называла).²⁴

С этой Мариной Михаил встречался в эвакуации, в Алма-Ате. И вот летом 1946 г. она поселилась в нашем доме, этажом выше нашей квартиры. Естественно, они должны были встретиться, встречаясь на одной лестнице. И, конечно, она немедленно пригласила его к себе. И как мне рассказывала впоследствии моя «старшая» блокадная приятельница, Екатерина Мар-

ковна Соколова, эта Марина еще летом всеми силами старалась «увлечь» Михаила.

Не знаю, искренне ли она полюбила Михаила, во всяком случае после катастрофы она от него не отвернулась. Как-то зимой Михаил сказал мне, что встретил Блеймана, который «затащил его к себе», потом как-то показал мне шерстяные перчатки, кот<орые> связала ему жена Блеймана (женой Блеймана, кстати, Марина никогда не была).

Я даже была рада, что хоть кто-то из писателей не порывает с Михаилом, а «жене» Блеймана даже была признательна за эти «перчатки».

А Марина между тем начала «действовать» – она окружала Михаила вниманием, заботой, даже высказывала желание ехать за ним в ссылку, если понадобится.

Ей это было бы, конечно, совсем несложно – Блейман платил ей большие алименты за сына, она имела какую-то часть его карточек и, кроме того, зарабатывала сама – вязала на заказ шерстяные кофточки, словом, была обеспеченной и независимой женщиной.

К тому же она была хорошей хозяйкой – умела неплохо готовить... (С. 151) И она была на 13 лет моложе меня...

За «поддержкой» к Михаилу я больше не обращалась...

В марте я стала искать покупателей на часть дачи, кот<орую> решила продать. Наконец, продала две нижние теплые комнаты.

А потом продала и свою любимую «белую спальню», продавала я ее почти с радостью – я думала, что этим докажу Михаилу, что мне для него ничего не жалко...

Но... Михаил, наоборот, стремился всеми силами подчеркнуть, что, в сущности, все это я делаю для себя и для Вали, что он сам прекрасно мог бы обойтись без моей помощи, что его прокормили бы друзья – Шостаковичи, Чаловы, которые приглашают его обедать хоть каждый день... Что он мог бы поехать в Москву, где его с радостью встретила бы Островская. ... Одним словом, он мог бы прожить без меня, которая так докучает ему своими непомерными требованиями.

А потом он сам признал, что он – «нечестный и плохой человек», не вполне нормальный человек. Говорить с ним, объяснить ему что-либо было невозможно, и я прекратила всякие попытки к разговорам из-за его «бурной реакции» на все мои слова.

Все же, несмотря ни на что, он за эти 4 месяца написал огромную книгу – «Партизанские рассказы», и я перепечатала ее ему. Кроме того, он сразу же начал работу над новой пьесой.

Я, конечно, советовала ему послать рукопись Сталину, и Михаил так и поступил – послал ее на имя секретаря Сталина, Поскребышева²⁵ с просьбой, если он найдет нужным, передать ее и прилагаемое письмо Сталину.

И вот наконец в судьбе Михаила наступил перелом. 19 мая я узнала «приятные новости». Первое – Поскребышев звонил в Союз и сказал, что ему книга Михаила понравилась. Второе – Саянов сообщил Михаилу, что на приеме у Кузнецова (Ленинградского) тот спрашивал его и Тихонова о Зошенко,

говорил, что необходимо его привлечь к работе в каком-нибудь издательстве, а также, узнав, что Михаил не получает даже карточек, очень возмутился и сделал об этом отметку в своем блокноте.

Впоследствии Михаил рассказывал мне, что будто в это время Сталин в беседе с Симоновым спросил его:

– Ну, а как там у вас Зоценко?

На что Симонов якобы ответил:

– Что ж, ничего.... Как будто бы работает... Из Союза его исключили... (С. 152).

И тут будто бы Сталин возмутился и сказал:

– Как так исключили? У нас, в партийных кругах, так не поступают! Надо было помочь человеку, поддержать. Что ж, значит, он и карточек не имеет?

На что Симонов ответил:

– Да, раз исключен из Союза, конечно, не имеет...

Тут Сталин совсем рассердился и резко приказал:

«Выдать ему немедленно карточки».

В результате 22 мая Зоя Никитина²⁶ сообщила Михаилу, что звонили из карточного бюро, спраивались – какие карточки получал Михаил. А 31 мая ему позвонили из Союза и сказали: «Идите получать карточки за май!».

Я в это время была в Сестрорецке, куда он мне телеграфировал; «Мне звонили, получу литерную карточку, все хорошо. Михаил».

А вскоре прислал записку: «Вера, получил телеграмму от Симонова.²⁷ Вызывают в Москву – будут печатать мою книгу в журнале “Новый мир”. Ответил, что приеду в Москву после пятого июня (Хочу кончить комедию). Значит, числа 5 выезжаю. Поэтому числа 4 приезжай. (Если я не приеду 3-го в Сестрорецк.) Все, видимо, складывается хорошо и неожиданно, если решили печатать книгу. Мих.».

(Он перерабатывал комедию «Пусть неудачник плачет», кот<орую> соби-рался послать на конкурс в Москву.)

3 июня я приехала в Ленинград... и была совершенно поражена, как просияло лицо Михаила, когда он, войдя в мою комнату, увидел меня и как радостно он сказал: «А, ты приехала наконец... Что ты так долго задержалась?» (Я пробыла в Сестрорецке 11 дней.)

И потом мы пошли в его комнату, он был неожиданно хорошим, милым, и неожиданной была наша близость, и расстались мы в ту ночь так хорошо и дружески, как не расставались уже много, много времени.

И два дня до его отъезда прошли хорошо и мирно, и это было для меня дороже и радостнее всех хороших перемен и всех материальных возможностей.

И хотя перед самым его отъездом мое счастливое состояние постаралась, как могла, омрачить мне Вера своими глупыми и злыми словами, наше прощание было неожиданно горячим и нежным, а 9 июня я уже получила телеграмму: «Печатают журнале часть книги приеду вероятно 15 целую Михаил».

14 июня пришла телеграмма: «Все благополучно приеду через 2–3 дня Михаил» (С. 153).

Но вернулся он неожиданно на другой же день – 15-го июня...

И встреча наша была такой сухой и холодной, как обычно, и такой непохожей на его неожиданно горячее прощание.

Потом он долго рассказывал мне и Вале о делах – будут печатать половину книги в журнале, пьесу («Пусть неудачник плачет») он сдал на конкурс и договорился с Акимовым о написании новой на «заграничные темы» – то есть то, что я ему давно советовала.

Приехал он усталый и какой-то разочарованный...

Говорили ему в Москве, что в дело вмешался Сталин и поставил писателям на вид, что они вышвырнули товарища из Союза, оставили без поддержки материальной и моральной...

После этого и пошли все перемены...

И вот у Михаила снова куда-то ушло тепло, и снова стал он чужим и настороженным, стал нервно просить меня – «Не начинать “проблемных” разговоров...».

Но я и сама не собиралась их вести, так как я уже поняла их бесплодность... Я уехала в Сестрорецк.

(Что же случилось опять с Михаилом? Очевидно, его настроила против меня Вера – она, кажется, ехала вместе с ним в Москву – в это время она стала «генеральшей», вышла в четвертый раз за старого генерала, приятеля ее первого мужа, и переселилась в Москву. А потом Марина предложила ему обедать и завтракать у себя, предложила ему свою помощь, чего я, к несчастью, сделать не могла.)

Как бы то ни было, отношения Михаила ко мне опять резко изменились к худшему. В Сестрорецк в это лето он приезжал редко, посылал мне сухие, деловые записочки.

В первой записочке, в конце июня, он писал: «Вера, я приеду в понедельник. Дела не особенно хороши, потому что нет ответа из “Нового мира”. Видимо, нельзя сейчас рассчитывать на пьесу. В общем поговорим. Приеду, вероятно, днем. Мих. Боюсь, что Валя не успеет свой доклад сдать 31, а это последний срок. Перепечатай ему. Мих.».

Его очень беспокоило неполучение ответа из «Нового мира», в конце августа писал: «С деньгами все еще плохо».

Но 31 августа сообщил: «Телеграмму (в ответ на письмо) я получил из “Нового мира”. Обещают прислать аванс в ближайшие дни. Но вот уже прошла неделя. И пока ничего...».

7 сентября: «...Мне уже в Сестрорецк не собраться – много работаю, да и чувствую (С. 154) себя неважно. Мих.».

Числа 13–15 сентября записка: «Денег я пока не получил, обещают через неделю. Однако сигнальный номер “Нового мира” вышел, говорят. Так что, видимо, сомнений нет, что будут в печати и мои рассказы. Но, к сожалению, идут только 13 рассказов,²⁸ то есть 1/3. К тому же первые, то есть самые небольшие. Поэтому надежды на большой гонорар отпадают – получу около 4 тысяч... Работаю я сейчас по 20 часов в день. Очень устал. Привет. Мих.».

Чем дальше шло время, тем отношение его ко мне становилось все хуже. Я продала весной свою «белую спальню», думая этой жертвой завоевать его

любовь и понимание... Деньги за спальню я отдала Михаилу на расходы в городе, на питание его сына и домработницы. А он с циничной жесткостью заявил мне, что умышленно не воспользовался ни копейкой из этих моих денег, стал питаться в Доме ученых (причем скрыл от меня, кто устроил ему это питание, и почему скрыл – неизвестно).

На самом же деле он стал питаться у Марины, и этим объясняется все... Я чувствовала, что он лжет мне, я не верила больше ни одному его слову...

У него не было тогда ко мне ни любви, ни жалости, ни понимания... Он просто сказал мне, что я – взрослый самостоятельный человек и должна заботиться сама о себе. Он мне ничем не обязан, и он не может ничем мне помочь... Он сам нуждается в помощи и поддержке...

Снова я стала мечтать получить работу, которая <бы> прокормила меня, обратилась за помощью к приятельницам, которые как-то говорили мне об уроках, о корректуре... Увы! Они ничего не могли мне предложить, а мне нужно было думать и о сыне, дать ему возможность кончить институт...

В это же время я все же послала давно уже написанное мною письмо Сталину – в защиту Михаила, но мне казалось, что любовь моя к нему после всех этих его жестоких, несправедливых слов умерла...

«В сентябре Михаил не приезжал в Сестрорецк... приезжал Валя, говорил, что Михаил страшно занят работой, написал пролог и первое действие новой пьесы, набросал план 2 и 3 действия и эпилога.

Валя рассказывал содержание, мне показалось – хорошо, совсем не в его привычном стиле и манере. Самое главное и важное – вышел 9-й номер “Нового мира”, в котором напечатаны 10 рассказов из его новой книги» (С. 155).

Я была, конечно, очень рада за Михаила, Валю, но... стала думать о том, что мне нужно уйти от Михаила, если он так не любит меня...

Наконец, он все же приехал в Сестрорецк, дал прочесть свою комедию, от которой я пришла в восторг и советовала ему послать ее Сталину, и он соглашался со мной. Но в последний свой приезд в Сестрорецк, когда я спросила его – отправил ли он пьесу Сталину, сухо ответил: «Я отдал ее Акимову...» Покачала я головой и только сказала: «Акимов – не правительство».

И я оказалась права – Акимову постановка была запрещена, и комедия после последующих тридцатикратных «переделок» так и осталась до сих пор в его архиве...

Наконец я переехала в Ленинград... И сразу же узнала совершенно поразившую меня новость...

Оказалось, что он сошелся с женой Блеймана, которая живет этажом выше нас, ходит к ней ежедневно 2 раза в день – завтракать и обедать. «Доложила мне об этом Лера, племянница, которую я по возвращении ее детдома из эвакуации взяла к себе. Девочка наивно спросила меня: «Тетя Вера, а правда, что дядя Миша с Блейманом живет?». Оказалось, об этом знал весь дом и мальчишки на дворе донимали девочку своими насмешками, и вот ей захотелось узнать правду. <...>

И вот я спокойно обратилась к Михаилу за разъяснением.

На мой вопрос правда ли это? – он резко ответил:

«А тебе какое дело?»

И когда я, широко раскрыв глаза от изумления, сказала:

«Как какое дело? Ведь я же твоя жена». Он цинично и холодно и жестоко ответил: «А можешь не называться моей женой, если тебе это не нравится».

Все это было ужасно...

Михаил, очевидно, вначале был действительно увлечен ею и, когда я проговорила открыть ему глаза на ее настоящее лицо, о чем я узнала от хорошо ее знавшей моей «старшей приятельницы» Соколовой, он в бешенстве, в исступлении кричал: «Не смей так говорить! Это чистая, святая женщина!».

Соколова же мне говорила, что Михаил – уже третий человек, кот<орого> она «завлекает» своими обедами с тем, чтобы женить на себе, чего (С. 156) ей не удалось с его предшественниками, что она злая и глупая женщина, что Блейман никогда не собирался жениться на ней и лишь из благородства платит ей огромные алименты.

Не знаю, искренне ли она любила Михаила, или же, рассчитывая, особенно после написания комедии, что он в ближайшем будущем вернет себе «пышное положение», просто «охотилась» за ним, рассчитывая стать его женой.

Пока же она без стеснения, нарочно, всячески афишировала эту связь, открыто всем и каждому называла его своим мужем... Она делала это умышленно, рассчитывая, что все эти слухи неминуемо дойдут до меня, я, конечно, буду устраивать скандалы, неприятности, и он решится наконец разойтись со мной.

Сама же она в это время «кормила» его бесплатными обедами, «спасала» его во время беды и, конечно, ничего от него не требовала, твердо рассчитав, что именно таким образом получит все, завоеует его...

И он поверил в ее любовь, и я стала ему не нужна.

Правда, вскоре же он стал отрицать свою связь с нею, уверял, что просто ходит туда обедать, что я ничем не могу помочь ему, а он для того, чтобы иметь силы работать, должен быть уверен в том, что там ему дадут «тарелку супу»...

Отчасти это было действительно так, но какая же страшная трагедия кроется за этим.

С этой зимы мне пришлось взять целиком на себя хозяйство – убирать всю огромную квартиру, готовить еду Вале и себе, чинить и штопать белье и прочее... Домработницу с осени мы отпустили. Но Михаил от моих обедов категорически отказался и весь тот год завтракал и обедал у «Маришки».

Она дала ему ключ от своей квартиры, и он каждый день приходил туда как домой... И это видели все, проживающие в пятом этаже, а жили там писатели, все, знавшие его... немудрено, что по дому ползли и ползли сплетни и некоторые писатели, как, например, Козаков,²⁹ действительно стали считать его женой Марину, а не меня.

А когда я, в мягкой форме, указывала ему на это, в ответ я получала бурю упреков, оскорблений, жестоких обид. И я начинала думать: м<ожет> б<ыть>, это все-таки – большой человек, психопат? С деньгами было по-прежнему плохо и по-прежнему мне приходилось по временам что-то продавать...

В ответ на его несправедливые, злые слова я могла только бессильно плакать, а это только больше раздражало и нервировало его (С. 157).

Наконец я решила – я больше не буду говорить с Михаилом, мне больше не о чем с ним говорить, он никогда не поймет, от него можно ожидать только обид и оскорблений.

В это же время Михаил продолжал бывать у Чаловых – приходил к ним к обеду и засиживался до поздней ночи.

Все это было так мучительно, что я искренно стала даже мечтать о смерти...

Так шло до самого Нового – 1948 года

А потом я стала думать о том, что, м<ожет> б<ыть>, надо стать сильной, попробовать еще раз полюбить жизнь и поверить в нее? М<ожет> <быть>, подумала я, к Михаилу нужно отнестись как к несчастному и больному ребенку: со всем терпением, теплом и всепрощением материнской любви? Ведь он мне сказал, что хочет, чтоб все осталось по-старому, как было всю жизнь. М<ожет> б<ыть>, он действительно тяжело больной, психически больной, травмированный человек? М<ожет> б<ыть>, надо его пожалеть?

В ту зиму Михаил занимался переводом повести Лассила «За спичками», кот<оторый> ему очень удался. Я перепечатывала эту работу...

Относился он ко мне по-прежнему недоверчиво и избегал «откровенных разговоров», хотя «близкие» наши отношения как-то возобновились.

Но завтракал и обедал он по-прежнему наверху, но близкие отношения с этой женщиной продолжал отрицать.

В апреле он уехал по делам в Москву, прислал несколько телеграмм:

3/04-48 г. «Приеду 6 или 7 зависимости билета целую Михаил!»;

13/04-48 г.: «...задержусь неделю, закончить комедию буду работать вероятно литгазете немного денег пошлю завтра Михаил!»;

19/04-48 г.: «...второй перевод триста послал субботу днями постараюсь послать еще вернусь через неделю Михаил». Казалось бы нормальные, «заботливые», как всегда, телеграммы...

В Москве он переделывал свою «Американскую» комедию. – «Здесь вам будет весело» по указаниям Фадеева³⁰... Ту комедию, кот<орую> он в 47 году вопреки нашему с ним решению и моим советам не послал Сталину, а «отдал» Акимову. А если бы она была послана Сталину, получила бы, наверное, одобрение, так же как и книга о партизанах, и его «беды» кончились бы гораздо раньше... Но тогда, находясь под влиянием Марины и сестры Веры, он снова обрел свою «самоуверенность». «Я отдал ее Акимову» – это принесло ему столько огорчений, сколько пришлось ему впоследствии работать над этой комедией и так и не дожидаться ни ее опубликования, ни постановки ни в одном театре.

В Москве Михаил задержался довольно долго...

И я, не в силах больше выносить неизвестности, решила узнать правду от самой этой женщины (С. 158). Поднялась к ней наверх, спросила, что за отношения у нее с Михаилом? Нимало не смутившись, она нагло и самоуверенно

бросила: «Да, я его любовница!». На что я спокойно заметила: «И что же, вы думаете – это очень хорошо?».

Спросила: «Зачем она устроила эти обеды?»

Ответила: «Хочется же любимого человека чем-нибудь вкусеньким угостить!». На мое замечание: «Что же такое получается? Со мной он живет, с Чаловой живет – и с Вами тоже? Что же это за “гарем” у нас?» Она спокойно возразила: «Ну и что ж? Пусть гарем! Чалова даже моложе меня»...

Я поняла, что договориться с нею ни о чем было бы невозможно... Вот такая женщина была эта «Марина Багратион-Мухранская!» <...>

Подошло лето 48 года, снова Сестрорецк... Михаил неожиданно стал «мягче». Летом он как-то сказал даже, что напрасно я огорчилась из-за его женщин, что, напротив, он всегда боялся женщин и «бежал» от них... И я снова думала: «или это действительно психоневроз, травма?» И я не могла понять это...

Еще зимой Михаил завел разговор о том, что нам дорого платить за квартиру, что ему, «в его положении», неудобно занимать лучшую квартиру в надстройке... Я предлагала ему приемлемый выход – отдать его кабинет знакомой Валиной подруге по институту, профессорше, которая могла бы при желании снова отделить эту комнату в самостоятельную квартиру, а мы бы остались на той площади, кот<орую> имели до присоединения к нам комнаты из Корниловской квартиры.

Но летом Зоя Никитина передала ему предложение Кетлинской³¹ поменяться квартирами с ней, и Михаил стал усиленно уговаривать меня согласиться на этот обмен. Хотя меня это никак не устраивало, так как мы лишались бы прекрасной солнечной квартиры, мне так хотелось сделать ему удовольствие, что я наконец согласилась на этот неудачный (С.159) обмен. Мне казалось, что тогда он оценит мою жертву и переменит свое отношение ко мне.

И вот в конце сентября мы переехали в эту «ужасную», совершенно неудобную для нас квартиру.

И тут вскоре же случилось одно обстоятельство, благодаря которому я действительно «попала в бред больного». В день моих именин он ушел на именины к Кетлинской..., вернулся пьяный, что очень редко с ним случалось. Я стала упрекать его за то, что он снова обидел меня в этот, «мой» день. Когда я в волнении, неосторожно подняла руку, конечно, я не собиралась ударить его (никогда в жизни я никого не могла ударить), эта рука оказалась ему «карающей рукой» его психоневроза, и он даже ударил меня, я стала для него «устрашающим предметом», м<ожет> б<ыть>, в этом кроется причина всех его странных, непонятных поступков, кот<орые> он стал позволять себе по отношению ко мне.

Он стал говорить мне, что я – причина его спазмов, его болезни, что ко мне у него огромное недоверие, что он ждет какого-то «удара» с моей стороны, ему кажется, что я за его спиной веду какую-то игру против него, что, наконец, если мне это будет выгодно, я смогу даже убить его, довести до смерти, и буду радоваться его смерти, потому что я сказала однажды, что я понимаю и оправдываю жену Толстого,³² которая говорила, что она нарочно спаивает

Толстого, хотя знает, что водка для него смертельна, потому что ей легче видеть его мертвым, чем с другой женщиной.

(На самом же деле было так: он как-то, очень давно, рассказал мне о том, что когда на одной вечеринке у Толстых кто-то, кажется даже сам Михаил, обратил внимание Натальи Васильевны на то, что Толстой много пьет, а это для него может кончиться плохо, она сказала: «Пусть пьет. Мне легче видеть его мертвым, чем с другой женщиной». И тогда я неосторожно, никак не предполагая, что он сможет сделать из этого такой вывод, действительно заметила: «Что ж ... ее можно понять»...)

Но это, конечно, совсем не обозначало, что я думаю так же, что и я могу так поступить. А он не забыл эту фразу, и она даже сыграла такую роковую роль в его отношении ко мне...)

И в то же время он упрямо твердил мне, что он не любит той женщины, что никакой роли в его жизни она не играет, и все же продолжал бывать у нее каждый день.

Говорить с ним, «выяснять отношения» было невозможно – на всякую мою попытку дружеского, спокойного разговора он реагировал дикой вспышкой гнева, нервными припадками, спазмами, криками, угрозами, оскорблениями. И я решила, <что> он – или больной человек, отягченный каким-то (С. 160) психоневрозом, и я, к несчастью, попала ему в бред, и тогда его надо оставить в покое, или он просто плохой человек, и тогда мне самой не нужна его любовь, и сам он мне не нужен.

А потом вдруг он сам потянулся ко мне за близостью... И я не смогла ему отказать... и тогда даже пришло успокоение.

А вскоре с 28 ноября Михаил почему-то стал завтракать дома, и теперь по утрам я готовила ему завтраки. Сначала думал было и обедать, но в первый же день его напугали спазмы, кот<орые > начались у него за столом, и от обедов он отказался. Мотивировал он свое решение есть дома нежеланием быть обязанным той женщине и затрудненными материальными делами – ее и своими.

Очевидно, недолгое «увлечение» Михаила Мариной прошло, и она не казалась ему «идеально-чистой женщиной», и если б не испугавшие его «спазмы за столом», он бы, пожалуй, действительно прекратил бы и свои «обеда» у нее.

Блиские отношения наши возобновились, но все же он казался мне – «И близкий, и далекий, и чужой, и свой»...

Что касается литературных дел Михаила в то время – в 1948 г. он закончил перевод Лассила «За спичками»,³³ а зимой актер Музкомедии Мусатов вместе с инженером Гинзбургом предложили ему «соавторство» – написать оперетту, для которой они предлагали стихи и сюжет.³⁴ И вот над этой опереттой Михаил и работал всю зиму. Сюжет он, конечно, начисто переработал. Первое название оперетки – «Не смотри в глаза», окончательное – «Шутки в сторону».

Несмотря на то что чтение оперетты на худсовете Музкомедии прошло, как говорил Михаил, «под хохот», эта вещь тоже так и не была поставлена.

В это время, с ноября, Михаила вновь пригласили работать в «Крокодиле»,³⁵ прислали ему по его просьбе номера журнала, кот<орые > он просил

меня перечесть. Стал он давать преимущественно фельетоны на «заграничные темы» – материал ему присылала редакция.

В самом начале декабря пришел к Михаилу Шкловский³⁶ (кстати, нашел, что я хорошо выгляжу), говорил Михаилу, что в Москве возмущены Кетлинской за наш обмен.

Михаил ходил к Никулину³⁷ в «Асторию»³⁸ – впоследствии он часто получал от него работу по переводам. (Приглашение работать в «Крокодиле» передал Михаилу из Москвы Раскин, кот<орый> позвонил ему по телефону и сказал, что у него есть для него важная, приятная новость, и попросил зайти к нему в «Европейскую». Это, действительно, было важно – казалось, что этим окончательно зачеркивается все «Постановление».) (С. 161).

Михаил понемногу успокаивался – по вечерам стал ходить в гости, его опять начали приглашать, что как будто его очень радовало.

По-прежнему по воскресеньям продолжал обедать у Чаловых, но приходил оттуда часто такой усталый, жаловался, что выпил стакан вина и потому чувствует себя плохо. В другой раз (5 декабря) опять говорил, что играли в карты и в лото, потом шел домой целый час – из-за сердца. Вообще же Михаил у Чаловых отдыхал, играл в карты и в лото, родители Лидии (его сверстники) относились к нему очень хорошо, к тому же мать Лидии была прекрасная хозяйка, и бывать у них ему было приятно. Близких же отношений с Лидией у него действительно давно не было.

Мне он часто казался тогда большим и старым, и мне было мучительно жаль его порой, ссоры у нас в то время бывали редко. Случилась как-то глупая ссора из-за денег. У меня кончались деньги, мне нужно было что-нибудь предпринять, чтобы их раздобыть, и потому я спросила – есть ли надежда на получение денег из Петрозаводска за финский перевод. Он неожиданно стал упрекать меня за то, что я «реву уже несколько дней», а я и не думала плакать, что я досаждаю ему с деньгами, что так он не сможет работать. Потом стал говорить, чтобы я продала свой бархат. Когда я напомнила, что, когда я продала спальню, он не пожелал воспользоваться этими деньгами и стал обедать у Блейман, он пришел в ярость, начал кричать на меня, выгонять из комнаты, замахиваться на меня.

Я сказала, что если он так ненавидит меня, то я не думаю навязываться ему, могу жить одна.

На это он сказал, что он меня не ненавидит, но что ненависть сможет возникнуть, если я буду ему досаждать.

Какое у него страшное лицо делается в минуты раздражения, какие страшные глаза – право, мне кажется, что он – сумасшедший.

Я постаралась предотвратить дальнейшие неприятности, ушла и стала читать Тагора. Позвонила Рая (домработница), я переговорила с ней относительно денег, она обещала мне одолжить.

Вошел Михаил и дал прочесть 1-й акт переделанной комедии (а когда я об этом его просила час назад, отказал в грубой форме).

Прочла и осталась на этот раз очень довольна, переделка ему удалась.

Пока я читала, он уходил пить пиво, когда пришел, говорили насчет пьесы, был доволен моим одобрением (С. 162).

Вот такой странный человек был Михаил...

Летом у нас обычно никаких неприятностей не было, так как не было травмирующей меня причины – его хождений на обеды к Марине, он приезжал в Сестрорецк, я с радостью готовила ему его любимых «окуньков». Доставала парное молоко у соседей, в саду поспевала земляника, потом черная смородина, из кот<орой> я варила ему его любимое варенье.

Иногда, правда, бывала какая-то обида на него, но потом казалось – «в душе нет больше ничего, кроме жалости, большой человеческой жалости – ведь он такой старенький и усталый, мой Михаил...»

И вот этого, такого усталого, состарившегося человека мне просто ужасно жаль. И мне уже ничего от него не надо, ничего не хочется от него требовать, мне просто жаль его, мучительно жаль, и страшно, что он может скоро уйти от меня навсегда, уйти безвозвратно. И все-таки казалось – он не вполне нормален, что-то, что-то есть в нем больное, ненормальное...

Очень я обиделась на него: несмотря на самое хорошее мое к нему отношение в его последний приезд в Сестрорецк, несмотря на мою убедительную просьбу обязательно приехать ко мне в день моих именин – 30 сентября – он не приехал, позвонил по телефону, отговорился пустяковым нездоровьем...

Я, конечно, слишком остро реагировала на этот его поступок, но действительно он будто нарочно не хотел исполнить моей просьбы, моего желания. М<ожет> б<ыть>, это тоже был «психоневроз»? Ведь он неоднократно говорил, что не выносит просьб, не выносит «принуждения», насилия над его волей...

Летом Михаила вызывал Фадеев в Москву (хлопотал Прокофьев и Шагинян),³⁹ дали ему работу – опять финский перевод, дали денег – и аванс, и из Литфонда, и у меня появилась надежда на маленькую «передышку» в денежном отношении – ведь зимой мне то и дело приходилось «доставать деньги», время от времени приходилось даже закладывать оставшийся у меня хрусталь.

Летом как будто разрешили ставить «Американскую комедию» в «Новом театре», о чем Михаил мне писал в июне (записка с Валей). 28 июля 1948 г.: «Вера, разрешили ставить мою американскую комедию. И в связи (С.163) с этим у меня сейчас множество театральных дел, так что приеду, видимо, 5 или 6 числа. И то не знаю, надолго ли.

Денежно это разрешение пока ничего не дало, но обещают авансировать.

Помимо того, на днях приезжает Дементьев (тогдашний секретарь Союза писателей. – В. З.), и он твердо обещал работу.

В общем, впереди перспективы неплохие.

Мих. 28 июля».

1949–1950 гг.

Началась новая зима. Постановка комедии не состоялась, была запрещена, никакой работы Дементьев Михаилу не предоставил, и снова мне самой пришлось «добывать деньги»: продавала книги, снова стала думать о возможности получить работу, звонила Якубенко, но безрезультатно.

Затем Михаил получил 2 рукописи для литературной обработки, и я их читала и набросала свои замечания.

Отношения с Михаилом были по-прежнему трудные... То мне бывало его жаль, как-то по-матерински жаль, жаль несчастного, страдающего, стареющего, больного человека, то снова он отталкивал меня своим странным, непонятым отношением, и мне снова казалось, что это не болезнь, а просто нелюбовь ко мне, и я опять не знала, что же мне делать? Казалось, надо уйти жить одной...

Мне показалось, что он не выносит даже моего присутствия – вчера я хотела немного послушать радио у него в комнате – заграничные передачи, единственное, кажется, чем он интересуется, он стал хитрить, глушить радио, а потом прямо стал требовать, чтоб я ушла. Я ничего не понимала, я даже перестала верить ему, но я любила его, и я совсем не могла мириться с его ежедневными посещениями Марины, хотя и ничего не говорила ему об этом больше. Все же я думала – это болезнь. Но как бороться с ней, я не знала.

Подошел Новый год и не принес ничего нового. Снова нелепые, ненужные ссоры с Михаилом, его жестокие, обидные слова, на кот<орые> я реагировала слезами...

Была неприятность из-за того, что мне пришлось подняться наверх, к Марине (во время «обеда» Михаила), чтобы передать ему просьбу Дементьева срочно прийти к нему. Эта бестактная, злая женщина нарочно, чтобы меня сильнее обидеть, обратилась к нему «на ты»... (С. 164). Я сделала ей замечание..., она ответила грубостью, в результате – неприятности с Михаилом.

А 12 марта, в день выборов, в грубой форме отказал пойти со <мною> вместе на голосование.

Работал эту зиму снова над переводами – М. Лассила – «Воскресший из мертвых», Тимонена – «От Карелии до Карпат», переделывал оперетту – безуспешно, писал рассказы для «Крокодила» – не пошли («Воспаление легких», «Слово представляется Зайцеву» – были напечатаны позднее).

Лето 1950 г.

Зимой все наши «неприятности» исходили от Маришки – она нарочно старалась всячески афишировать свои отношения с Михаилом, мне со всех сторон говорили люди, кот<орым> я не могла не верить (вдова Останкова, мой друг Аксенова, подруга Тамара), что она называет Михаила своим мужем. Когда же я указывала ему на это, он отказывался верить, считал, что я «собираю сплетни», что – это ложь, что я – «сплетница», «скандалистка», одним словом, я получала в ответ одни оскорбления.

Но эта «Маришка» приносила вред и самому Михаилу – все наши ссоры, конечно, не были полезны ему, не давали покоя, подрывали его физическое и нервное здоровье.

«Мне хотелось одного – пониманья!» Но с ним нельзя было ни о чем говорить! Он пресекает всякие разговоры о личном, о наших отношениях, он моментально прикрывается болезнью, психоневрозом. Или и правда есть что-то большое в его психике? Непонятное мне, неразгаданное мною, к чему он сам не может подойти, чего остерегается касаться...

Но когда я не касаюсь каких-то вопросов, кот<орых> он не позволяет касаться, он сам идет ко мне – и как к женщине, и как к человеку.

Летом, когда не было «Маришки», и я не слышала никаких сплетен, никаких разговоров об ее отношениях с Михаилом, я была спокойна, и у нас складывались просто хорошие, «мирные» отношения – он еженедельно приезжал в Сестрорецк, говорил со мной о своих литературных делах, всегда была «близость», он тянулся ко мне, едва поднявшись со мной наверх, в свою комнату. Я заботилась о нем, кормила его приличными обедами, всегда доставала его любимую рыбу – «окуньков»... В огороде, за которым я сама ухаживала, были всегда свежие овощи, в саду – ягоды. И летом мы никогда не ссорились (С. 165).

В то лето у моих «совладельцев» жили дачники с детьми, и Михаил часто возился с маленькой трехлетней Нинкой....

В то лето Михаил неожиданно сказал мне: «Можешь успокоиться – близкие отношения у меня с “Блейман” кончены».

(Почему-то он всегда называл ее по этой, кстати, не принадлежавшей ей фамилии – или она уверяла его, что была женой Блеймана, как в этом уверяла всех, что она – «жена Зошенко», во что Михаил упорно отказывался верить и страшно возмущался, когда я ему на это указывала.)

А в последний свой приезд он вдруг сказал: «Мне было бы проще и легче принимать помощь от тебя».

А мне прошлой зимой с большим трудом удалось получить лишь переписку на машинке от Смолича, да маленький урок через Нину Шене.

И я действительно материально не могла помогать ему.

¹ Николай Павлович Акимов – главный режиссер академического театра Комедии.

² Виссарион Михайлович Саянов (1903–1959) – поэт, прозаик.

³ Петр Александрович Останков – профессор ЛМИ по специальности психиатрия. Выступал на обсуждении повести М. Зошенко «Возвращенная молодость» в Горьком партии 11 марта 1934 г. Стенографический отчет об этом обсуждении опубликован: Три стенограммы обсуждения повести М. Зошенко «Возвращенная молодость» (1934 г.) / публ. Т. М. Вахитовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2012 год. СПб., 2013. С. 838–843.

⁴ Иван Федорович Крафт (1899–1950) – прозаик. Участник Великой Отечественной войны, служил рядовым в войсках Ленинградского фронта. За годы войны написал 10 книг, свыше 50 статей и рассказов. Наиболее известными стали повести «Партизаны», «Суровый берег», сборник рассказов «Закон жизни» (1942), «Труженики войны» (1944).

⁵ Муза Константиновна Павлова (1916–2006) – драматург, поэт, переводчик.

⁶ Владимир Юрьевич Визе (1886–1954) – полярный исследователь, член-кор. АН СССР. Участвовал во многих экспедициях в Арктику, предсказал теоретически существование острова в Северном море, которое назвали его именем.

⁷ Максимович – друг и личный врач М. М. Зошенко.

⁸ Ф. Олесов – ленинградский писатель, упоминался в Постановлении ЦК о журн. «Звезда» и «Ленинград».

⁹ Герман Иванович Матвеев (1904–1961) – драматург, прозаик, сценарист. Наиболее известной для подростковых читателей стала его трилогия: «Тарантул»: «Зеленые цепочки» (1945), «Тайная схватка» (1948), «Тарантул» (1957). Две повести («Зеленые цепочки» и «Тарантул») были экранизированы и донесли до 1950-х гг. героические приключения подростков во время блокады Ленинграда.

¹⁰ *Вера Михайловна Зоценко* – сестра писателя.

¹¹ *Ларисса Николаевна Робинсон* – приятельница Веры Владимировны, помогавшая ей вести домашние дела.

¹² *Раиса Хапова* – домработница семьи Зоценко. Она проработала в этом доме много лет и с вниманием относилась к окружавшим ее людям.

¹³ *Николай Юрьевич Смолич* (1888–1968) – друг Л. Н. Робинсон, актер, режиссер.

¹⁴ *Макс* – сын Л. Н. Робинсон, начинающий поэт, занимавшийся бытовой деятельностью в тяжелые послевоенные времена и приглашавший участвовать в этом процессе и семью Зоценко.

¹⁵ *Анна Андреевна Ахматова* (1889–1966) – великий русский поэт.

¹⁶ *Андрей Александрович Жданов* (1896–1948) – первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии.

¹⁷ *Александр Михайлович Еголин* (1896–1959) – литературовед, критик. Зам. начальника Управления пропаганды и агитации ЦК.

¹⁸ *Р. М. Беккер* – личность установить не удалось.

¹⁹ *Владимир Якубенко* – работник политчасти Эрмитажа.

²⁰ *Иосиф Абгарович Орбели* (1887–1961) – академик АН СССР и Армянской ССР. С 1934 по 1951 г. работал директором Эрмитажа.

²¹ *Виталий Павлович Полицеймако* (1906–1967) – известный актер, с 1930 по 1967 г. работал в Большом драматическом театре им. М. Горького. Его творческие способности высоко ценил Г. А. Товстоногов. Народный артист СССР.

²² *Кисилева* – врач-невропатолог.

²³ *Михаил Юрьевич Блейман* – сценарист, литературный критик, работал вместе с М. Зоценко в сценарном отделе студии «Мосфильм», эвакуированном в Алма-Ату. Познакомился Зоценко с ним и его женой в гостях у В. О. Стенича еще до войны.

²⁴ *Марина Диадоровна Блейман* (называвшая себя княжной Багратион-Мухранской), по мнению Веры Владимировны, не являлась законной женой Ю. Блеймана. Она воспитывала сына сценариста, получая довольно значительные алименты. Знакомство Михаила Зоценко с этой дамой, определенные дружеские отношения с ее сыном, тихие застолья вызывали у писателя спокойствие, умиротворенность. Жена Зоценко была уверена, что увлечение «Маришей» у Зоценко быстро бы прошло, если бы не спазмы за обеденным столом дома, то эти отношения быстро бы закончились. Сама «Мариша» вспоминала о встречах с Зоценко: «Время от времени он приходил в очень плохом состоянии. Что-то опять в очередной раз случилось – какая-то новая неприятность. Если заговорит, я, конечно разговор поддержу – постараюсь успокоить, развеять его страхи и опасения, отвлечь от тяжелых дум. Но, бывало, придет и молчит, весь вечер промолчать может. Я копошусь на кухне, вяжу или, если устала очень за день, прилягу и задремлю, а он все сидит и думает о своем. Потом встанет и так же молча уйдет» (*Мухранская М.* Без литературы // Воспоминания о Михаиле Зоценко. СПб., 1995. С. 554).

²⁵ *Александр Николаевич Поскребышев* (1891–1965) – секретарь И. В. Сталина.

²⁶ *Зоя Александровна Никитина* (1902–1973) – первая жена писателя Н. Н. Никитина, редакционный работник.

²⁷ *Константин Михайлович Симонов* (1915–1979) – писатель, в конце 1940-х гг. был редактором журн. «Новый мир». По указанию Сталина вызывает Зоценко в Москву для заключения договора на публикацию «Партизанских рассказов». Только десять рассказов из сборника «Никогда не забудете», который содержал тридцать два рассказа, были опубликованы в журн. «Новый мир» (1947. № 9–10).

²⁸ В письме супруге Вере Владимировне Зоценко называл другую цифру напечатанных рассказов – 13. По-видимому, в редколлегии журнала происходили споры сотрудников о включении рассказов Зоценко в номер, боясь негативной реакции начальства. На всякий случай члены редколлегии ограничивались самыми небольшими текстами.

²⁹ Михаил Эммануилович Козаков (1897–1954) – прозаик, драматург. В Ленинграде жил в одном доме с семьей М. Зощенко.

³⁰ Александр Александрович Фадеев (1901–1956) – прозаик, критик, теоретик литературы, общественный деятель.

³¹ Вера Казимировна Кетлинская (1906–1976) – прозаик.

³² Людмила Васильевна Толстая (жена А. Н. Толстого) весьма скептически относилась к своему мужу. И Михаил Зощенко почему-то переносил ее отношение на свою персону.

³³ Наконец-то в печати появилось произведение, переведенное М. Зощенко, – повесть финского писателя М. Лассила «За спичками» на русском языке, в петрозаводском журн. «На рубеже» (1948. № 8–10), но имя переводчика не всегда упоминалось. Наиболее популярная повесть писателя в Финляндии была впервые напечатана в России. В Финляндии этот перевод русского писателя оценивали очень высоко.

³⁴ Зимой 1948/49 г. Зощенко в соавторстве с актером В. И. Мусатовым и инженером Б. Б. Гинзбургом (Гинзбургом) пишет для Ленинградского театра музкомедии пьесу: «Не смотри в глаза» («Шутки в сторону») (постановка не состоялась).

³⁵ В январе М. М. Зощенко получает приглашение от редактора «Крокодила» Д. Г. Беляева сотрудничать в журнале, для чего тот присылает ему специфический «заграничный» материал, но, как обычно, публикация не состоялась.

³⁶ Виктор Борисович Шкловский (1893–1984) – известный литературовед, критик, прозаик

³⁷ Лев Вениаминович Никулин (1891–1967) – писатель.

³⁸ Летом 1949 г. Вера Владимировна сообщает, что Михаил часто ходил в гостиницу «Астория» к Юрию Никулину и получал от него небольшие заказы по переводам, приглашал его участвовать в работе «Крокодила» и Раскин (Александр Борисович Раскин (1914–1971)). И супруге писателя казалось, что эти факты «окончательно зачеркивают «Постановление». Этого не происходило: либо печатались совсем небольшие материалы, либо про них совсем забывали. М. Зощенко часто писал о работе К. Симонову, но ответа никогда не получал.

³⁹ Александр Андреевич Прокофьев (1900–1971), Мариэтта Сергеевна Шагинян (1888–1982) – писатели, материально пытались помочь М. Зощенко в те трудные времена.

Библиографический список

1. Воспоминания о Михаиле Зощенко. СПб., 1995. 607 с.
2. Лицо и маска Михаила Зощенко / сост. Ю. В. Томашевский. М., 1994. 368 с.
3. Михаил Зощенко – Мариэтте Шагинян / публ. Е. Шагинян // Таллин. 1989. № 2. С. 85–109.
4. Попов В. Г. Зощенко. М., 2015. 524 с.
5. Рубен Б. С. Зощенко. М., 2006. 355 с.
6. Творчество Михаила Зощенко. Новые материалы. Исследования. Библиография / отв. ред. В. П. Муромский, А. Д. Семкин. СПб., 2015. 274 с.
7. Чуковский К. И. Дневник (1930–1969). М., 1995. 560 с.